

УДК 811.112.2

О.Л. Зозуля**ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

В данной статье анализируется лексическая категория “растения” в современном немецком языке с целью установления того, как увиден носителями немецкого языка растительный мир, какое знание об объектах этого фрагмента окружающего мира зафиксировано в системе немецкого языка, т.е. в соответствующих лексических единицах – фитонимах.

Основная сущность современного подхода в лингвистических исследованиях может быть определена, по мнению В.А. Виноградова, короткой формулой: язык и знание во всех аспектах [2, с. 6]. Знание представляет собой результат определенного этапа познавательной деятельности человека. Процессы концептуализации и категоризации, будучи основными процессами данной деятельности, как “две стороны одной медали”, протекают совместно, постоянно влияя друг на друга, что свидетельствует об их равнозначности в целом для познавательной деятельности. При этом, как подчеркивает Е.С. Кубрякова, “если процессы категоризации демонстрируют нам прежде всего упорядочение в некоторой области знания, то процессы концептуализации связаны, скорее, с описанием отдельных структур знания и с выделением тех семантических признаков (концептов), которые позволяют отделить один объект от другого и отождествить и тот, и другой” [7, с. 1]. Будучи равнозначными, процессы концептуализации и категоризации являются разнонаправленными, что приводит к формированию нетождественных ментальных единиц (результатов) – концептов и категорий.

Анализ результатов концептуализации и категоризации растительного мира, зафиксированных в системе современного немецкого языка показал, что в структуре лексической категории “растения” существует ряд субкатегорий, которые условно могут быть разделены на две группы. Первую группу образуют имена объединений растительных объектов, которые являются результатом **отражения**, пусть и творческого, а не механического, объектов мира растений, объективно существующих в природе. Например, лексемы *Eiche*, *Linde*, *Kiefer*, *Jasmin*, *Maiglöckche*¹ и т.д. являются именами объектов воспринимаемого растительного мира, т.е. именами отражательно ориентированных категорий.

Отражательно ориентированные лексические единицы (наименования родов, видов и разновидностей растительных объектов) фиксируют объективно существующие растительные объекты «как они есть» с точки зрения человека. В семантике данных лексем фиксируются структуры знания, позволяющие идентифицировать и определять объекты в категорию растений, а также дифференцировать растительные объекты внутри категории. Идентифицирующая часть структур знания о растениях включает, в первую очередь, мерологические сведения, т.е. информацию о частях растений. Знание об основных частях растений – листьях, стебле и корне, которое зафиксировано в лексическом значении основного гиперонима категории *Pflanze* ‘aus *Wurzeln*, *Stiel* und *Blättern* bestehender Organismus ...’ – представляет собой базовое знание человека о растительных объектах, которое, однако, допускает определенные вариации, т.е. не является набором признаков, разделяемым всеми представителями. Например, следую-

¹ Примеры приводятся по толковому словарю немецкого языка Дуден в 10-ти томах [14]

шие объекты принадлежат категории растений, несмотря на отсутствие листьев: *Habichtskraut* ‘(in vielen Arten vorkommendes) Kraut mit langen, *blattlosen* Stängeln mit ...’; на отсутствие корня (либо имеющие слабо развитый корень) *Tillandsie* ‘zu den Ananasgewächsen gehörende, meist als Epiphyt lebende Zierpflanze *ohne* oder mit *nur schwach entwickelten Wurzeln*’ и т.д. Можно сказать, что отдельные представители категории растений получают «вычеркиванием «лишних» черт из общего набора» [11, с. 456]. Дифференцирующая часть объективированных структур знания отражает перцептивно воспринятые сведения о форме, цвете, размере и т.д. указанных/соответствующих частей растений. Например, форма листьев у лиственных деревьев: *Ulm* ‘Laubbaum mit *eiförmigen, gesägten* Blättern’ и *Linde* ‘Laubbaum mit ... *herzförmigen, gesägten* Blättern’ и т.д.

Ко второй группе относятся имена объединений растительных объектов, которые являются результатом **лингвокреативной** деятельности сознания, например, *Korbblütler* ‘Pflanze, deren Blütenstände als Körbchen ausgebildet sind’, *Heilpflanze* ‘Pflanze, die wegen ihres Gehalts an Wirkstoffen zu Heilzwecken verwendet wird’, *Gastpflanze* ‘schmarotzende Pflanze’, *Hutpilz* ‘Pilz mit hutförmigem Fruchtkörper’, *Großbaum* ‘großwüchsiger Baum’ и т.д. Творческая деятельность сознания в данном случае связана не только и не столько с **отображением** объектов мира растений, с фиксацией структур знания о них, сколько с **манипулированием** уже имеющимися в сознании структурами знания и формированием на их основе **новых объединений** как результата определенного этапа речемыслительного освоения растительного мира, его **интерпретации**. Имена лингвокреативных категорий, «используются для обозначения других объектов-знаков, уже интерпретированных в концептуальной системе (т.е. они связаны со смыслами, отнесенными к этим объектам-знакам)», что «делает их *знаками знаков*» [9, с. 68]. Представляется, что лингвокреативные единицы, демонстрируют тот факт, что «человек не только обозначал мир, но и **описывал** его. В таких описаниях рождались новые концепты, эмерджентные свойства которых не были, так сказать, даны заранее или же **предсуществовали** их объективации в языке. Их появление – это результат аргументации языковой, следствие **дискурсивной деятельности** человека, о которой можно говорить как о речемыслительной деятельности... В этих ситуациях новые концепты возникают в результате их **номинального определения**» [4, с. 11]. Подобное своеобразное описание либо конструирование растительного мира языковым сознанием не только облегчает ориентацию носителю языка в растительном мире, но также способствует успешной коммуникации о данном фрагменте окружающей деятельности.

Формированию новых категорий способствуют циклично чередующиеся этапы познавательного процесса – интеграция и дифференциация [13]. Например, первоначально имело место образование однородного класса растений по признаку ‘наличие ствола и веток’, т.е. объединение растительных объектов, демонстрирующих данный достаточно общий и простой отличительный признак, что привело к формированию субкатегории «деревья»: *Baum* ‘Holzgewächs mit festem *Stamm*, aus dem *Äste* wachsen, die sich in Laub oder Nadeln tragende *Zweige* teilen’. Лексемы *Laubbaum* ‘*Laub* tragender Baum’, *Nadelbaum* ‘immergrüner Baum, der *Nadeln* trägt’, *Obstbaum* ‘Baum, der *Obst* trägt’ свидетельствуют о том, что в дальнейшем классификация внутри объединения «деревья» осуществлена на основании признаков ‘тип листьев’ (*Nadeln, Laub*), ‘наличие съедобного плода’ (*Obst*), отмечаемых у отдельных растительных объектов.

Так, носитель языка имеет в своем распоряжении оязыковленные рубрики знания и опыта различного уровня обобщения и абстракции, т.е. отражательно ориентированные и лингвокреативные лексические категории. При этом абстрагирование, по мнению Е.С. Кубряковой и О.К. Ирисхановой, «есть не просто обобщение путем отвлечения от тех или иных свойств объектов, но обобщение *посредством языка*. ...абстрагирование как *детипизация языка* представляет собой *более высокий этап познания*

мира – познание путем оперирования языковыми знаками» (курсив наш – З.О.) [6, с. 5]. Конечно же, как отражательно ориентированные, так и лингвокреативные категории являются детищем языка, однако они представляют собой разные уровни языкового абстрагирования, т.е. языковой категоризации, а также они выполняют разные функции: идентификация/дифференциация растительных объектов и описание/интерпретация растительного мира. Отражательно ориентированные категории являются производными от растительного мира, лингвокреативные – от отражательно ориентированных, что может быть подтверждено тем, что лингвокреативные единицы в большинстве случаев являют сложными или производными единицами. Основным компонентом в сложных словах – именах лингвокреативных категорий – часто выступают лексемы *Pflanze* либо *Gewächs*, например, *Zwergpflanze*, *Ampelpflanze*, *Fangpflanze*, *Großstadt-pflanze*, *Schwertliengewächs*, *Nelkengewächs*, *Magnoliengewächs* и т.д.

Лингвокреативные единицы способствуют экономному и удобному оперированию имеющимися знаниями о растениях не только в процессах мышления. Они также используются в качестве ключевых слов в словарных дефинициях наименований растений (фитонимов), что в свою очередь способствует экономному представлению семантики фитонимов в толковых словарях. Как показал анализ словарных дефиниций, лексемы *Pflanze*, *Baum*, *Strauch*, *Kraut*, *Pilz* и т.д. являются основными и частотными идентификаторами лексических единиц, формирующих лексическую категорию «растения». Функцию слов-идентификаторов также выполняют имена лингвокреативных объединений *Obstbaum*, *Nadelbaum*, *Laubbaum*, *Zierbaum*, *Speisepilz*, *Gebirgspflanze*, *Gemüse-pflanze* и т.д., они также используются для упорядочения и языковой репрезентации знаний о растительных объектах. Однако наименования лингвокреативных категорий не всегда используются в качестве гиперонимов-идентификаторов для других фитонимов, например, *Kompasspflanze* ‘Pflanze, die ihre Blätter nach der Sonne ausrichtet’, *Schlafbaum* ‘Baum, auf dem eine Gruppe von Vögeln, ein Vogel regelmäßig die Nacht zubringt’, а также *Pollenblume*, *Wetterpflanze*, *Schattenbaum*, *Mutterbaum* и т.д. Соответствующие объединения являются своего рода ответвлениями, «вкраплениями» в ментальном и семантическом пространстве.

Р.М Фрумкина подчеркивает, что «...категоризация – это не установка на исчерпывающее использование информации, а наоборот – на выбрасывание всего ненужного для достижения конкретной цели» [12, с. 89]. Одной из таких целей может быть получение в ходе познавательной деятельности объективного знания о растительном мире, построение непротиворечивой классификации растительных объектов, с другой стороны, это может быть практическая цель, а именно успешная ориентация в растительном мире и использование растительных объектов в обыденной жизнедеятельности.

Так, результаты научной деятельности объективируют ботанические термины: *Kieselpflanze* (Bot.) ‘Pflanze, die in ihren Zellwänden Kieselsäure speichert’, *Hummelblume* (Bot.) ‘Pflanze, die durch die Beschaffenheit ihrer Blüte bevorzugt von Hummeln bestäubt wird’, *Lippenblütler* (Bot.) ‘Pflanze einer Familie, deren zahlreiche Arten lippenförmige Blüten aufweisen’ и т.д. В данном случае оказываются задействованными либо морфологические свойства растительных объектов, либо органические вещества, содержащиеся в них и т.д., т.е. признак/признаки, объективно присущие растительным объектам. Иногда в ходе данной деятельности устанавливаются «растения-антонимы»: *Langtagpflanze* (Bot.) ‘Pflanze, die nur blüht und Früchte bildet, wenn sie täglich dem Licht längere Zeit ausgesetzt ist als der Dunkelheit’ и *Kurztage-pflanze* (Bot.) ‘Pflanze, die nur blüht und Früchte bildet, wenn die tägliche Lichteinwirkung eine bestimmte Dauer nicht überschreitet’, ср. также *Schattenpflanze* (*Schattenblüher*) и *Sonnenpflanze*, *Blütenpflanze* и *Sporenpflanze*.

О результатах обыденного познания свидетельствуют, например, фитонимы *Gemüse* ‘Pflanzen, deren verschiedene Teile in rohem oder gekochtem Zustand gegessen

werden', *Unkraut* 'Pflanzen, die zwischen angebauten Pflanzen wild wachsen und deren Entwicklung behindern', *Zierpflanze* 'zur Zierde gezogene oder gehaltene Pflanze' и т.д. В основании категорий, именами которых являются указанные лексемы, лежат также объективные признаки, но язык фиксирует оценку их человеком по значимости для его жизнедеятельности – положительную или отрицательную.

Фитонимы *Grenzbaum* 'Baum, der eine Grenze markiert', *Schlafbaum* 'Baum, auf dem eine Gruppe von Vögeln, ein Vogel regelmäßig die Nacht zubringt' демонстрируют то, что в основание именуемых ими категорий были положены не признаки растений, объективно им присущие, а, скорее, приписанные им концептуализатором и категоризатором. Подобные единицы являются, на наш взгляд, ярчайшим примером результатов лингвокреативной деятельности человека в языке, так как в данном случае мы имеем объединения объектов растительного мира на основе признаков, **привносимых** человеком в мир растений (например, 'использование для украшения', 'использование в качестве маркера границы' и т.д.).

Представляется, что к особой группе относятся фитонимы типа *Dorflinde* 'auf dem früheren Gerichtsplatz oder der dörflichen Versammlungsstätte als Mittelpunkt des Rechts- und Gemeinschaftslebens gepflanzte alte Linde', *Tanzbaum* 'an einer zentralen Stelle in einem Dorf gewachsener Baum, dessen Wuchs in der Weise beeinflusst wurde, dass seine unteren Äste waagrecht zum Stamm wachsen und eine einheitliche Ebene bilden, auf der zu festlichen Gelegenheiten Bretter für einen Tanzboden angebracht werden können', *Weltesche* (germ. Myth.) 'riesige Esche, die Ursprung und Achse der Welt ist'. В данном случае мы имеем дело с категориями, которые свидетельствуют о роли растений в культуре, мифологии социума. Указные лексические единицы не являются «однородными по качеству». Наименование дерева, на корнях которого держится мир *Weltesche* не имеет денотата, существующего в виде отдельного объекта в окружающей действительности [10, с. 320], поэтому данная лексическая единица принадлежит к абстрактной лексике, а не конкретной (предметной). Референция к объекту растительного мира в данном случае уходит из фокуса внимания, но все же не утрачивается полностью.

С другой стороны, практические потребности заставляют человека создавать категории по мере необходимости, так как, как подчеркивает Р.М. Фрумкина, «категоризация как процесс сжатия многообразия *всегда лишь этап* в нашем взаимодействии с окружением. Сами категории как таковые не даны нам «свыше», а формируются в нашем сознании в соответствии с конкретными требованиями окружения, среды» (курсив наш – З.О.) [12, с. 87]. При необходимости человек может формировать категории, для которых в системе языка нет однословного наименования. Как отмечает Э. Бенвенист, «мышление может свободно уточнять свои категории, вводить новые, тогда как категории языка, будучи принадлежностью системы, которую получает готовой и сохраняет каждый носитель языка, не могут быть изменены по произволу говорящего» [1, с. 106]. Так, любое свойство растений, зафиксированное в значениях фитонимов в виде семантического признака, может теоретически стать основанием для нового объединения. Следующие фитонимы с общим семантическим признаком 'время цветения' *Weihnachtsstern* '...Wolfsmilchgewächs..., der zur *Weihnachtszeit* blüht', *Christrose* '(im *Dezember* blühende) Pflanze...' могут быть объединены в категорию «цветущие в зимний период растения», но для которой нет системного наименования как, например, для цветущих летом (*Sommerblume* 'im *Sommer* blühende Blume), осенью (*Herbstblume* 'im *Herbst* blühende Blume') либо весной (*Frühlingsblume* 'Blume, die im *Frühling* blüht') цветов.

Нелексикализованные концепты (термин В.Б. Гольдберг) подтверждают тот факт, что в языковой системе закрепляется далеко не весь опыт человека. Языком фиксируется, как отмечает Н.Б. Мечковская, лишь часть лавины семиозиса [8]. Однако

структуры знания, лежащие в основе созданных сознанием объединений и имеющие словесную «упаковку», существуют для человека в «готовом виде», что дает ему возможность использовать их в процессе мышления либо общения, не «собирая» (формируя) их каждый раз из каких-то признаков [5, с. 316]. Языковые наименования, таким образом, обеспечивают устойчивость различных классификаций объектов и событий, они стабилизируют «специфические конфигурации признаков, соответствующие категориям» [3, с. 279], что свидетельствует о прагматической необходимости и об их коммуникативной релевантности на определенном этапе развития языка.

Таким образом, в немецкой языковой картине растительного мира объективируются как результаты непосредственного познания мира растений, так и результаты систематизации, упорядочения полученного знания о нем, что находит свое отражение в отражательно ориентированных и лингвокреативных категориях. Результаты процесса фокусирования одних свойств растений, степень отвлеченности от всего множества характеристик, т.е. степень дефокусирования и уровни языкового абстрагирования в отражательно ориентированных и лингвокреативных категориях различны. Зафиксированные в языке структуры знания о растительных объектах, а также созданная с помощью языка систематика дают носителю языка ключ как к восприятию, идентификации объектов мира растений, ориентации в растительном мире, так и к дальнейшему познанию разнообразия окружающей его природы с помощью языковых знаков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенвенист, Э. Категории мысли и категории языка / Э. Бенвенист // *Общая лингвистика* / пер. с фр. Ю. Н. Караулова и др.; под ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – Благовещенск, 1998. – С. 104–114.
2. Виноградов, В. А. Вступительное слово при открытии круглого стола: когнитивная лингвистика сегодня / В. А. Виноградов // *Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: сб. науч. турдов / РАН. Ин-т языкознания; Мин-во образ. и науки РФ, ТГУ им. Г. Р. Державина; рекол. : Е. С. Кубрякова (отв. ред.), Е. М. Позднякова (зам. отв. ред.) [и др.]*. – М.– Калуга, 2007. – С. 6–12.
3. Кликс, Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта / Ф. Кликс ; пер. с нем., общ. ред. Б. М. Величковского. – М. : Прогресс, 1983. – 302 с.
4. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // *Изв. Рос. акад. наук. Сер. лит. и яз.* – 2004. – Т. 63, № 3. – С. 3–12.
5. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
6. Кубрякова, Е. С. Языковое абстрагирование в наименованиях категорий / Е. С. Кубрякова, О. К. Ирисханова // *Изв. Рос. акад. наук. Сер. лит. и яз.* – 2007. – Т. 66, № 2. – С. 3–12.
7. Кубрякова, Е. С. Отзыв на автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки Зозуля Оксаны Леонтьевны «Семантика и структурная организация фитонимов в современном немецком языке», Минск, 2008, 23 с. / Е. С. Кубрякова. – Москва, 2008. – 2 с.
8. Мечковская, Н. Б. Лавина семиозиса, частично фиксируемая языком (по данным анализа символики креста и мотивированных им знаков) / Н. Б. Мечковская // *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура* : сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М., 2004. – С. 575–587.

9. Павиленис, Р. О смысле и тождестве / Р. Павиленис // Вопросы философии. – 2006. – № 7. – С. 67–73.
10. Степанов, Ю. С. Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии) / Ю. С. Степанов // Языковая номинация. Общие вопросы / под. ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. – М. : Наука, 1977. – С. 294–358.
11. Топоров, В. Н. Функция, мотив, реконструкция (несколько замечаний к «Морфологии сказки» В. Я. Проппа) / В. Н. Топоров // Исследования по этимологии и семантике : в 2 т. / В. Н. Топоров. – М., 2004. – Т. 2: Теория и некоторые частные ее приложения. – С. 451–470.
12. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика : учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Р. М. Фрумкина. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.
13. Шехтер, Л. М. Зрительные механизмы формирования категориальных структур / Л. М. Шехтер // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 2005. – № 1. – С. 58–67.
14. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bänden [Электронный ресурс]. – Elektronische Datei (576 Mb). – Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2000. – 1 электр. опт. диск (CD-ROM).

Zozulya O.L. Language Categorization of Flora (on the Material of Modern German)

The article shows that the lexical category „the plants” includes combinations which differ in conceptual quality: reflective-directional and linguistic-creative.